Рассказы о репрессиях и доносчиках на Белом море

Наталья Геннадьевна Комелина [1]

✉ komlng@mail.ru

[1] Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:
Комелина, Н. Г. (2020). Рассказы о репрессиях и доносчиках на Белом море. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 306–313. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-306-313.

В заметке публикуются архивные и полевые материалы, собранные на Зимнем и Летнем берегах Белого моря. Анализируются нарративы о доносчиках и доносительстве — практике, существовавшей в СССР не только в крупных городах, но и в сельских сообществах. Рассказы о том, как советская власть отразилась на жизни поморских деревень, делятся на несколько тематических групп: о запретах религиозных практик, о наказании за политическое высказывание, о доносах. Показано, как крестьянство реагировало на вмешательство государства: одной из ведущих эмоций был страх, а реакцией — молчание.

Ключевые слова: донос, частушка, страх, фольклор, политика

Статья написана при поддержке гранта РНФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

Tales of repression and informers in the White Sea region

Natalia G. Komelina [1]

✉ komlng@mail.ru

[1] Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

To cite this article:
Komelina, N. (2020). Tales of repression and informers in the White Sea region. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 306–313. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-306-313.

The archival and field materials collected on the Summer and Winter shores of the White Sea are published in this essay. Narratives about informers and reporting on others — the practice that existed not only in large cities of the USSR but in rural communities as well — are analyzed. The tales of how the Soviet regime affected the life of Pomor villages can be categorized into several thematic groups: narratives about bans on religious practices, about punishment for political statements, and about reporting. The author demonstrates how the peasants reacted to interventions from the state, and how the primary emotion was fear and the primary reaction was silence.

Keywords: criminal information, chastushka, fear, folklore, politics

В 2007–2019 годы состоялось несколько экспедиций ИРЛИ РАН на Зимний и Летний берега Белого моря. Кроме традиционного фольклора, исследователей интересовали и рассказы о советском времени. Одной из причин такого интереса было стремление записать рассказы о Марфе Крюковой, сказительнице из д. Нижняя Зимняя Золотица. Она стала известной медийной персоной в 1937 году, когда создавала произведения на советскую тематику, поэтому беседы о ней неотделимы от разговоров о советском прошлом, о Сталине и репрессиях. В других поселениях рассказы о советском времени также возникали, хотя и не были предметом специального интереса собирателей. Так, в с. Койда рассказы о репрессиях были тематически связаны с преследованием старообрядцев и в большинстве случаев являлись ответами на вопросы о бывших наставниках и о существовании общины в советское время. В других случаях на вполне традиционные вопросы о праздновании Рождества, Святок, Пасхи и пр. мы получали ответы о запрещении, слежке и наказании за празднование в советское время религиозных праздников. Жители д. Летняя Золотица сами стали рассказывать нам о спецпоселках как о прошлом деревни. Еще задолго до нашего приезда сотрудники администрации собирали материалы о спецпереселенцах, вели переписку с жителями бывших спецпоселков и участвовали в установке памятных знаков на их местах. Возможно, этот интерес был подогрет близостью Соловецких островов, на которых расположен музей ГУЛАГа. При этом в деревнях, расположенных на Зимнем берегу Белого моря, нам ни разу не сказали о существовании спецпереселенцев, хотя в 1930-е годы их размещали по домам местных жителей — здесь мы сталкиваемся с тем, как пережитый травмирующий опыт подвержен умолчанию. Можно сказать, что в интервью, записанных в 2010-е годы, советское прошлое стало предметом рефлексии как самих информантов, так и исследователей[1]. Мы столкнулись с опытом травмы и насилия, опытом переживания страшных обстоятельств, отразившегося в фольклорных нарративах.

Память о репрессиях и раскулачивании в этих местах довольно устойчива. Мы беседовали, в основном, с потомками поморов, живших здесь еще в начале XX века. События российской истории являются для наших информантов одновременно семейной и местной памятью. Рассуждая о раскулачивании, разрушении церкви, войне, наши информанты говорят не о большой истории, а о себе, своих родственниках и соседях. Одной из ведущих эмоций их рассказов является страх.

В этой заметке мы представим некоторые результаты указанных экспедиций — нарративы о репрессиях, раскулачивании и спецпереселенцах на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. Рассказы о том, как советская власть отразилась на жизни поморских деревень, делятся на три тематических группы: о запретах религиозных практик, о наказании за политическое высказывание и о доносах.

Рассказы о запретах религиозных практик. Общим местом многих интервью является упоминание запретов на празднование религиозных и, более широко, традиционных праздников. От пожилой женщины, жительницы д. Лопшеньга Летнего берега Белого моря, записано несколько таких историй:

> Советская власть была, так *все запрещали.* Церковное вспоминать. Иконы были все убраны.

[1] В последнее время исследования исторической памяти и устной истории довольно успешно осуществляются в том числе и методами фольклористики, см., например, [Дранникова 2019].

Благовещенье. Птичка гнезда не вьет, девица косы не плетет. Мы в школу пришли, все распушены. У нас всех из класса выгнали, всем по единице поставили.

Советская власть была, было *всё запрещено.* Паньюшками [паньюшки — «баские», «красивые» ряженые] пойдешь, говорили, *поаккуратней,* а то вас погонят, изорвете (здесь и далее курсив мой. — *Н. К.*)[2].

В некоторых рассказах говорится о том, что эмоциональным сопровождением подобных запретов был страх: «Все было запрещено, *боялись и рот раскрыть*»[3].

Другим способом борьбы большевиков с «предрассудками» было объявление дней больших религиозных праздников рабочими. Так об этом вспоминает бывшая уставщица старообрядческой общины с. Койда Мезенского района Архангельской области[4]:

А всё... *вредили, вредили* в советское-то. Я вот слыхала, что, например, вот эта Пасха тогда, да Рождество, эти великие праздники, да вот на Пасху... за эти.. *Властчики заставляли* людей-то вот выходить на работу, вот песок волочить, эти дороги песчаные, всё какую-нибудь тяжелую работу выгоняли работать, а раньше-то очень соблюдали это, чтобы и хоть... соблюсти праздника, а вот выгоняли их, праздник — пускай работают[5].

На Зимнем берегу в одном из домов информантка показывала нам свои иконы, хранящиеся на повети. Рядом с иконами на чердаке стояли портреты вождей.

Вот Дедушка Ленин, знаете, наверное. [А он у вас висел?] Висел. [А где висел?] В простенках висел. [Ясно. А иконы убирали? Вешали Ленина? Или как? Или и то и другое одновременно висело?] Здесь-то иконы ведь в углу. А эти-то между окон. [Понятно. А за иконы не ругали в домах? Что иконы?] Так. *Опасались*, конечно. Заставляли убирать, чтобы их не было. Кто как смог. *Прятали. Ну и лишнего не показывали.* Да и местные-ти ведь еще презирали. [Что?] Местные-ти презирали, чтобы убирали, не было икон. Не было икон. Как могли прятали. Которые сжигали да иконы ти. [Хозяева сжигали иконы?] Не хозяева, а вот кто найдет, да так. Забирали. Сжигали. *Ну такой закон был. Закон такой. Боялись ведь тогда*[6].

В интервью не указываются конкретные года, когда в доме могли одновременно висеть портрет Ленина в простенке и иконы в углу. В этом фрагменте можно проследить логику взаимодействия местных жителей с властью. По закону запрещалось вешать иконы, но их можно было прятать и не показывать. Местная власть, которая «презирала», выполняла контролирующую функцию, в случае обнаружения икон их сжигала, о более тяжелых последствиях в интервью не сообщалось.

В беседе с бывшей уставщицей речь зашла о репрессиях в отношении религиозных лидеров. Она назвала по именам тех, кто пострадал за веру, и говорила о существовании доносительства.

[2] ППА, ж., 1934. Зап. в д. Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Соб. Н. Г. Комелина, Я. В. Зверева. Запись от 18.07.2012.

[3] КЛИ, ж., 1932. Зап. в д. Яреньга Приморского района Архангельской области. Соб. Н. Г. Комелина, Я. В. Зверева. Запись от 21.07.2012.

[4] На Русском Севере, территории в основном беспоповства, в начале XX века стали строиться и храмы РПСЦ (белокриницкого согласия). Никольская церковь в с. Койда была построена в 1912–1914 годы и закрыта в 1930-е годы. Священник И. М. Сахаров был репрессирован, в 1950–1970-е годы с ним поддерживали связь жительницы деревни, матери наших информантов.

[5] МКМ, ж., 1933. Зап. в с. Койда Мезенского района Архангельской обл. Соб. А. Ю. Балакин, А. И. Васкул. Запись от 28.07.2014.

[6] ДГН, ж., 1930. Зап. в д. Мегра Приморского района Архангельской области. Соб. Н. Г. Комелина, А. Ю. Балакин. Запись от 23.07.2013.

Закрыли церковь, всех увезли, дак, кто будет заниматься. Даже вот до того запрещали, что, может, даже местные власти перегиб делали. Вот, например, тех все увезли, так заставляли очень, так те у нас такие богобоязливы были, дак. Вот, например, человек умрет, дак, панихиду да сослужить ли, лампадку ли засветить, *вот были домишки, окошечки маленькие, вплотну закрывали, чтоб доносчики тоже были, да это следили, дак, чтобы не увидели да донесли*. Потом, когда попроще стало, у нас панихиды вот Анна Анкифовна увезена, тоже она знала панихиды. ‹...› Только за то, что она была верующа. Она много сидела в тюрьме. ‹...› Она всю панихиду знала. Голос у нее был очень хороший. А потом Надежда Ивановна у нас служила. Надежда Ивановна после Анны Анкифовны. Надежда Ивановна она тоже училась так. ‹...› [Училась она у Анны Анкифовны?] Нет, Надежда Ивановна она сама знала, сама знала. [А после Надежды Ивановны Нина Алексеевна?] Нина Алексеевна. [Мне еще назвали М-на Ивана Андреевича, который был после Ивана Михайловича?] Не знаю, нет. Не слыхала, чтобы мама называла. ‹...› *После Ивана Михайловича все тут было очень запрещено все* ‹...› *Тайная милиция подслушивала, не говорят ли чо* ‹...› *Им, говорят, за это денежку платили. А придут да ночью, да увезут и все*. [А местные приходили и увозили?] Да не знаю, да, нет, наверное, неместные. [Когда стало полегче? Когда стало можно иконы достать?] Я пацанкой была, мама уж лампадки засвещала и все тут. И уже, бегали уже, на Рождество бегали. Вот это вот в Рождество, например, славили, колядки те пели. Наверно, уже не запрещали ‹...› Тогда уже это очень, еще следили только, кто, это, говорит о Боге, дак *подслушивали, предатели тоже были, дак подслушивали под окнами да все,* про венчание ничего не помню. Ничего не говорили. [Вы вот говорили, что репрессировали кого-то за веру, да? ‹...›] Ну вот да... Был у нас один Алексей Филиппович тоже старообрядец, тут-там... теперь нет уже его. *Он говорит: «Меня тут приведут на допрос: — «Дедушка, скажи, что Бога нет, отпустим тебя сразу», — «Нет, ребятушки, Бог есть», — и опять меня в камеру, опять в камеру поведут, опять в камеру».* [Но возвращались люди после...] Да-да... Вот Алексей Филиппович приехал, отпустили, но, говорю, он там [нрзб.] сидел. Бабушка тоже, вот, Анисия тоже в Лебёдке жила, так долго сидела... это... за веру. *Тоже что, допрашивали, что скажи, что Бога-то нет.* Потом была отпущена на дом здесь, в деревне была, в деревне умерла, старообрядка, тоже старообрядка[7].

Каздоя Максимовна описала атмосферу страха. С одной стороны, безбожная государственная власть запрещала отправление церковных обрядов, с другой — собственные религиозные представления (*страх Божий*) не позволяли их не соблюдать: «…там-то *худо-то время* да… панэхиду-то никак, *страшно все-таки покойного без молитвы ложить в землю*. Дак… и это…, закрывали, все закрывались»[8]. Способом избегания наказания Советской власти было тайное проведение панихиды.

Рассказы о наказании за политическое высказывание. Можно выделить также рассказы о том, как людей забирали за публичное политическое высказывание. Можно предположить, что важным для уголовного преследования является именно публичность такого высказывания (сельсовет, столовая, собрание и пр.). В этом случае антисоветское высказывание адресовано власти и ее представителям. На наш взгляд, наиболее интересны сюжеты с исполнением политического фольклора и последовавшими за ним репрессивными мерами [Комелина 2014].

В д. Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря записано такое воспоминание: «"Ешь вода и пей вода, / Срать не будешь никогда" — сказала одна девушка в столовой на войне. Ее забрали. *Вокруг граяли, что такая смела, сказала. Может, ничего ей и не сделали*»[9].

[7] МКМ, ж., 1933. Зап. в с. Койда Мезенского района Архангельской обл. Соб. А. Ю. Балакин, А. И. Васкул. Запись от 28.07.2014.

[8] Там же.

[9] ЯАЕ, ж., 1924. Зап. в д. Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Соб. Н. Г. Комелина, Я. В. Зверева. Запись от 21.07.2012.

Рассказы о доносах. Атмосфера подозрения приводила к тому, что любые чужие, приезжие воспринимались как шпионы. В полевом дневнике 1963 года этнограф Т. А. Бернштам пишет: «Койдяне — народ осторожный. Здесь работали художники — дипломники из Москвы, их принимали долгое время за шпионов. Ходили следом. Мешали. Приставали. Зачем они рисуют или фотографируют (для многих это одно и то же)»[10].

В 1930–1960-е годы на Летнем берегу Белого моря существовали поселки спецпереселенцев — Кега, Лопатка, Жижгин, Кислуха, Сосновка и Конюхово. Во фрагменте интервью и в выдержке из письма бывшей жительницы одного из поселков говорится о практике доносительства, существовавшей в 1930-е годы. Александр Панченко в статье «Беглецы и доносчики: "военные нарративы" в современной новгородской деревне» пишет: «...широко распространенная тема рассказов об оккупации — это мотив доноса. Формула "на нас (или — на них) доказали" (т. е. донесли) — одна из самых частых в описании взаимоотношений между односельчанами. При этом "доказать" могут как и немецкой администрации, так и советским властям, вернувшимся после освобождения села» [Панченко 2013: 129]; см. о доносительстве [Нерар 2011]. Для объяснения практики доносительства А. А. Панченко использует концепцию «образа ограниченного блага» Дж. Фостера[11]. Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма» говорит о тайной полиции и ее функциях в тоталитарном государстве. Она пишет, что «"подозреваемые" в условиях тоталитаризма включают в себя все население; всякая мысль, которая отклоняется от официально предписанной и постоянно изменяющейся линии, уже подозрительна, в какой бы области человеческой деятельности она ни родилась» [Арендт 1996: 559].

В настоящей публикации представлено несколько выдержек из интервью и фрагмент письма спецпереселенца. Материалы собраны в селе Койда Мезенского района, деревнях Зимняя Золотица, Лопшеньга, Яреньга, Летняя Золотица Приморского района Архангельской области.

Кроме того, в качестве любопытного сравнительного материала в статье представлены два архивных документа, относящихся к этому же региону. Первый (№ 4) — своего рода обрядовый текст, который говорится «слушательнику-подокошельнику». Контекст исполнения исследовательницей Э. Г. Бородиной-Морозовой не обозначен. Вероятно, этот текст произносился на Святки, когда молодые люди гадали — «слушали под окнами». Но можно предположить, что «слушать под окнами» можно было не только в гадательных целях. Второй архивный документ (№ 5) прислан в редакцию сборника «Творчество народов СССР» как пример современного фольклора, но не вошел в издание [Горький, Мехлис, Стецкий 1937]. Верифицировать этот текст сложно. Упомянутые в нем имена в базах данных кадрового состава органов ОГПУ пока не обнаружены. Текст представляет собой классический пример мифологического рассказа, только разворачивающийся в страшных реалиях советского Большого террора. Пример мифологического рассказа с советским персонажем-коммунистом описан в статье «Чорт родился» В. И. Смирнова [Смирнов 1923, Панченко 2018]. В 1990–2000-е годы

[10] Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 2. № 871. Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 2. № 871. Дневник № 1 с. Койда, д. Майда, Нижа и др. (к/з «Освобождение»). Т. А. Бернштам. 1963 г. Всего страниц 118. Запись от 26 июля 1963 года.

[11] Наблюдая за жизнью маленького мексиканского городка, американский антрополог Джордж Фостер сформулировал принцип «образа ограниченного блага» (image of limited good), согласно которому ограниченность экономических ресурсов сообщества влияет на восприятие мира и поведение членов этого сообщества. Если кто-то из группы становится богаче другого, то, значит, он отнял благо у ближнего. Это рождает страх и подозрительность, желание «счастливчика» скрыть достаток, не хвастать и пр. [Foster 1965]. См. перевод этой статьи Дж. Фостера в данном выпуске журнала. — Прим. ред.

в большом количестве записываются рассказы о святотатцах, где героями также нередко являются коммунисты (см., например: [Штырков 2006]).

1. Дед мой Иван Власович, видите, как пострадал. Вы находитесь в доме врага народа. Вас сейчас арестуем и отправим на Соловки. Будете там жить, вот тогда замуж не выйдете. А дед в 1937 году зашел на собрание в клубе, а шел с пирушки от товарища. Ну, собрание шло, на собрании решался вопрос о пайках, в каком плане, я не знаю, что они там решали тогда. Но я помню, что пайки давали. Вот тут амбар был, вот какая-то норма была. Все это значит. И он говорит: «Россиюшка до чего дожила, что раньше хлебом торговала, а теперь пайки». Все. Репрессировали. Протокол. Вот. Просил, чтобы мне разрешили познакомиться в Архангельске. Не знаю, теперь дадут или нет.... Не всем дают посмотреть эти архивы. Мне было отказано. Но, когда я обратился после 86 года. Это пошла перестройка-та. Обратился в комиссию. Ну и приезжал сюда, приходил майор из КГБ Мартынов, запомнил, что такая фамилия у него была. Он это. Блокнотик достал, значит. Зачитал. Поп Никифоров был, который приехал сюда из Пинеги, Пинежского района, там что-то было его тоже на три года посадили были. Ну а после того, как он закончил три года, отсидел, сюда. Кто его тут отправил. Ну и того расстрелять тройка, а моего деда по 58 в Ухтлаг Коми ССР. В 1938 году уже он там умер. Мне тоже сообщили. Он же был у меня рождения 1861 года. Это у него считай от отмены крепостного права в России. Ну какой он мог быть враг, если ему уже 76 лет было когда тогда. А у него нога была досажена, он с палкой ходил. И то был членом колхоза и в эти июльские дни 37-го приехали и пришли к дому два начальники это НКВД. Я не знаю, какие тут кубаря были тут. Сенокос шел. Моя мать на сенокосе. Колхоз. Бабушка, которая здесь была. Она тоже на сенокосе. А дед изготовлял орудия лова для колхоза. Вот там амбар был на угоре колхозный. Спрашивают: «Здесь Иван Власович живет?» — «Здесь». — «А где?» А вот там. Один остался на крыльце стоять. А этого я повел туда. Привел. Вот как сейчас помню. Двери открытые на реку, спросил: «Вы Иван Власович Пономарев?» Тот сказал: «Я». Ну дедка растерялся, сразу понял, что это за ним эти урядники. Хотя у него несколько раз такие были моменты, когда он встречался с такими урядниками. Его хотели конфисковать, раскулачить, как называли раньше. Дом большой, хозяйство[12].

2. [Разговор шел о том, что в Лопшеньге люди разговорчивые, а в Яреньге слова не вытянешь] Ну, в основном, ходили часто, в деревне-то не ночевали инспектора. Ходили там проверяли. Например, мать овцу убили. Приходит товарищ: «Аксинья Степановна, Вы вчера овечку убили, надо бы шкуру-то сдать». А откуда узнал. А население-то было большое в деревне. [Доносили, что убили овцу?] Да, наверное. Друг по другу как-то. Узнавали. Доносительства-то может быть в наши годы и не было, а в те то годы, в 1930-е было. И некоторые хозяева и сидели по 10 лет в тюряге за одно слово только. [Здесь такое было?] Да было. Вот там раньше, когда еще колхоза-то не было. Колхоз ведь начал организовываться в 1933-м году. А до того был кооператив здесь. Кооператив. Вот здесь дом был здесь. Значит, был богатый типа предпринимателя, дядька. Он содержал, значит, у него судно было. Он закупал все материалы там. Рыбакам раздавал. А вот тут большой склад был, высочащий склад. В позапрошлом году разворочали. Он раздавал все эти материалы, они рыбу ловили. Сдавали ему, он вез в Архангельск, там купцам сдавал, сюда продукты привозил, деньги привозил, расплачивался. Ну и в 30-е гг. тоже как-то что-то. Он-то сам уехал. Его не репрессировали. Репрессировали здесь два мужика. Значит, вот один как раз в кооперативе работал. Пришел тоже товарищ тоже оттуда, ну-ка как мужики живете, то се. За разговором, рыба как ловится-то, тот булькнул «для советской власти много рыбы надо». И 10 лет значит получил. Отсидел полностью. [В лагерях?] В лагерях. Но он видимо в лагерях работал и деньги, наверное, неплохие платили. Там он много денег привез с собой. Потом сын рассказывал евонный. Говорит, деньги спрятал на чердаке. Бадья такая была. И закрыл. И сын каким-то образом полез. А там полно денег.

Тогда много репрессированных было, особенно с тех районов, где немцы поволжские были ‹...› Военнопленные частью строили лесокомбинат. Репрессированных так этих ссылали, начиная с 1929 года, там с 28 или 29, везли их сюда с Астраханской, Волгоградской областей. Они организовали Сосновку, Кислуху. Вот, действительно, хозяева были. У нас

[12] ПНМ, м., 1929. Зап. в д. Верхняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области. Соб. А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул. Запись от 19.07.2010 г.

переселенцы были, которых в войну выселяли, были наверное с голодных мест, наверное с Кировской области, наверное с тех областей. Их эвакуировали сюда с Кировской области. Кировчан у нас много было. Так вот видимо так люди были заморенные, что крапиву, все ели, что попало под рукой. А здесь то ведь у нас рыбы-то полно. Вот мойва тогда ловилась, привозят карбасами трехтонниками становятся. А их целый теплоход привезли. Большой грузопассажирский теплоход развозил по деревням. К нам тоже много. Вот старая церковь была. Так их заселили полная. Потом по домам по нашим. Придут, так они горстями эту мойву так сырой ели. Говорят, берите, сколько хотите. Вот карбас привезен, так берите. Но сырой-то вроде у нас не заведено. А потом они быстро. Жили-пожили. Когда вот и репрессированных-то начали уже в конце 50-х годов тоже отпускать на свободу. Кто поехал на родину. Кто в Архангельск, кто в Пертоминск. Дома у них уже свои были. Привезены были народ работящий. Сразу дома настроили. Сначала может бараки, потом свои дома. Клуб у них в Кислухе был. Такой у них клуб был здоровый. Так вот у нас же место болотистое. Они сразу наделали, чтобы лес рубить гати. На машинах можно было ездить. Там они очень быстро развернулись это дело. И у них колхоз тоже рыболовецкий был[13].

3. В то время доносы были почетом. Однажды мама ехала с Жижгина от брата Николая Ив[ановича] и ехали на ботике два солдата и старший. Набежал ветер и заштормило одного солдатика укачало и оттошнило он наклонился за борт и в это время ботик от качки тоже накренился на ту же сторону и солдатик пошел юзом за борт. Мама схватила за ноги и вытащила, фуражка утонула, а сам такой бледный стал. Все сидели на палубе под брезентом, потом этот солдатик отошел и подсел к маме. Спросил, куда едем. А сам говорит, что мы сейчас едем на Конюхово, а ночью будем на Лопатке брать людей. Маму высадили, и она пошла домой. По пути зашла в дом на берегу, там жили и работали два брата. Она им сказала все. Они ответили, а у нас вроде бы и некого брать. На утро этих братьев не стало. Люди тужили по ним, очень хорошие люди были, здоровые, сильные и на все руки мастера[14].

4. Слушательнику-подокошельнику:
Мешок с уздами,
Мешок с пиздами,
Девка с пухом,
Баба с брюхом,
Мешок с уздами,
Другой с пиздами.

Поют тем, кто слушает под чужим окном[15].

5. Вот интересный был случай. Это было в 1920 году, не помню, в каком месяце, я работал чекистом. Мы расстреливали белых офицеров, ну, кажется, было человек пять. Мы их отвели в лес, вырыли яму и расстреляли. А когда мы шли, то один из них говорил: «Вы не бойтесь, я не убегу». Когда мы расстреляли и сели закурить, то вдруг получился взрыв из лощины и офицер, который говорил: «Вы меня не бойтесь», выходит. Мы трухнули, но не растерялись (в машинописи: расстрелялись. — *Н. К.*) и стали его колоть. Снова зарыли в яму и засыпали. Снова взрыв. И снова он выходит. Мы снова колоть его куда попало и снова зарыли его. Вдруг третий взрыв и он снова выходит. Мы подумали, что это, как раньше говорили, колдун, но этому я не верил. Давай его снова колоть. Искололи всего. Так он выходил три раза, а потом не выходил. Я до сих пор это не могу объяснить. Этот факт знает много чекистов, с которыми я в то время работал. Помню фамилию одного, он кажется сейчас на Украине, его фамилия — Лариощенко, а звать Тимофей Андреевич. Последние известия о нем имел в 1927 году[16].

[13] ПЕИ, м., 1936. Зап. в д. Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Соб. А. И. Васкул, Я. В. Зверева, Н. Г. Комелина, Г. Н. Щупак (Мехнецова). Запись от 17.07.2012.

[14] Фрагмент из письма 2008 г. бывшей жительницы одного из спецпоселков, скопированный в ходе экспедиции 2019 г. в администрации д. Летняя Золотица Приморского района Архангельской области.

[15] Плакуева Авдотья Васильевна, 71 г. Д. Зимняя Нижняя Золотица, Приморского района Архангельской области. Записала Э. Г. Бородина 6/IX 1938 г. (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 146). Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. Колл. 146. Бородина-Морозова Э. Г. Б/п.

[16] Рязанов Александр Яковлевич, член партии с 1918 г. Красноармеец. Сейчас работает начальником жилотдела при заводе им. Дзержинского г. Перми. Записал Попов Павел Степанович 30/09 — 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 1521. П. 3. № 93. Л. 82). Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1521. Редакция «Творчество народов СССР». П. 3. № 93. Л. 82.

Литература

Арендт, Х. (1996). *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.

Дранникова, Н. В. (2019). «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, *3*, 8–16.

Горький, А. М., Мехлис, Л. З., Стецкий, А. И. (Ред.). (1937). *Творчество народов СССР. [XX лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. 1917–1937]*. М.: Правда.

Комелина, Н. Г. (2014). Фольклористы как чекисты: почему записывали политический фольклор? В А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев (Сост.). *Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога. Тезисы и материалы международной школы-конференции. Москва – Переславль-Залесский 30 апреля — 7 мая 2014 г.*, 67–70. М.: РГГУ.

Нерар, Ф.-К. (2011). *Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941)*. М.: РОССПЭН.

Панченко, А. (2013). Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне. В А. Панченко (Ред.). *Русский политический фольклор: Исследования и публикации,* 120–132. М.: Новое издательство.

Панченко, А. (2018). Почему родился черт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорожденные монстры и границы религиозной дидактики. *Studia litterarum, 3*(2), *252–287.*

Смирнов, В. И. (1923). Чорт родился (творимая легенда). *Труды Костромского научного общества исследователей местного края*, *1923*(29), 17–20.

Штырков, С. А. (2006). Рассказы об осквернении святынь. *Традиционный фольклор Новгородской области, 2006*(3), 208–230.

Foster, G. (1965). Peasant society and the image of limited good. *American Anthropologist*, *67*(2), 293–315.

References

Arendt, H. (1996). *The origins of totalitarianism*. Moscow: CentreCom. (In Russian).

Drannikova, N. (2019). "We were being transported in cow cars for the whole month": Recollections of the special migrants' descendants in Arkhangelsk narrative tradition. *Works of Petrozavodsk State University, 3*, 8–16. (In Russian).

Foster, G. (1965). Peasant society and the image of limited good. *American Anthropologist*, *67*(2), 293–315. (In Russian).

Gorky, A., Mekhlis, L., Stetsky, A. (Eds.). (1937). *Creativity of the peoples of the USSR. [The 20th anniversary of the Great October Socialist Revolution in the USSR. 1917–1937]*. M.: Pravda. (In Russian).

Komelina, N. (2014) Folklorists as chekists: Why was political folklore recorded? In A. Arkhipova, S. Neklyudov, D. Nikolayev (Eds.). *Folklore in the field and the study: The informant's knowledge and the anthropologist's interpretation. Materials of International Conference School. Moscow – Pereyaslavl-Zalessky, April 30 — May, 7 2014*, 67–70. Moscow: RSUH. (In Russian).

Nerar, F.-K. (2011). *Five percent truth. Exposure and informing in Stalin's USSR (1928 – 1941)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Panchenko, A. (2013). The runaways and the informers: "War narratives" in contemporary novgorodian village. In A. Panchenko. *Russian Political Folklore: Research and Publications*, 120–132. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Panchenko, A. (2018). Why was the devil born: The legend of a blasphemous communist, newborn monsters, and the limits of religious didactics. *Studia Litterarum, 3*(2), 252–287. (In Russian).

Shtyrkov, S. (2006). Stories of desecration of sacred objects. *Traditional Folklore of the Novgorod Region, 3*, 208–230. (In Russian).

Smirnov, V. (1923). The devil is born (creation of a legend). *Works of Kotsroma Research Society for Local Studies, 29*, 17–20. (In Russian).